

УДК 614.253

Т.В. Мещерякова

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ БИОЭТИКИ¹

Обосновывается, что основной причиной появления биоэтики является изменение отношения человека к самому себе в противовес традиционной точке зрения, что генезис биоэтики в последней трети XX в. обусловлен новыми биомедицинскими технологиями. Их влияние было только одним (необходимым, но не достаточным) условием из целого ряда предпосылок возникновения биоэтики.

Ключевые слова: биоэтика, биомедицинские технологии, сущность человека, индивидуальность.

При рассмотрении причин появления биоэтики традиционно главным считается прогресс в медицине, выразившейся в появлении новых биомедицинских технологий. Ван Ранселлер Поттер, предлагая термин «биоэтика» для обозначения новой появившейся дисциплины, отмечал, что она «рождается из тревоги и критической озабоченности перед лицом научного и общественного прогресса» [1]. Л.В. Коновалова назвала прикладную этику (развитие которой ознаменовалось появлением биоэтики) «зеркалом страха человечества... перед наукой и техникой» [2. С. 6]. П.Д. Тищенко появление биоэтики напрямую связывает с развитием биотехнологий, которые создали новую экзистенциальную угрозу для жизни, чести и достоинства пациентов [3. С. 77].

«Произошедшие за последние двадцать лет различные революционные изменения в области биологии и развитие новых технологий угрожают разрушить казавшиеся незыблемыми моральные нормы, а также некоторые социальные и культурные ценности, касающиеся родственных связей, преемственности поколений» [4. С. 13] – так оценивают сложившуюся ситуацию французские специалисты в области биоэтики.

Новые биомедицинские технологии действительно поставили сложнейшие моральные проблемы, которые затрагивают этическое самопонимание человечества в целом [5. С. 25]. Но мы полагаем, что влияние биомедицинских технологий было только одним (необходимым, но не достаточным) условием из целого ряда предпосылок возникновения биоэтики. Почву для появления биоэтики подготовили те процессы, которые происходили в культуре XX в. Отметим, на наш взгляд, наиболее важные, ключевые предпосылки:

1. Как отмечает П.Д. Тищенко, биоэтика возникает в ситуации децентрации ценностного мира [6. С. 30], которая во многом связана с подрывом авторитета науки в решении мировоззренческих проблем. К середине XX в. наука теряет авторитетное право различения истинного и ложного, которое в свое время было ею получено в результате идеологически поставленной власти научной (естественнонаучной) рациональности [7. С. 10]. В XX в.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 08-06-00109.

нарастают антисциентистские тенденции, сопровождающиеся потерей веры в торжество человеческого разума и в безграничные возможности науки и технологий в разрешении любых возникающих у человека проблем. В условиях, когда «Бог умер» и наука уже не является безусловным авторитетом, а произведенные на ее основе технологии осознаются как несущие угрозу, а не исключительно благо, человек оказывается один на один со своими страхами и осознанием своей хрупкости и незащищенности перед лицом им же порожденной мощи.

2. В XX в. стремительно нарастали и процессы глобализации, которые охватили весь мир и все стороны жизни общества (политическую, экономическую, социальную). Этот процесс, как отмечают авторы коллективного труда «Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы» [8. С. 3], начался еще в глубокой древности, в недрах традиционной культуры, но позднее выходит за ее пределы. Как объективный процесс глобализация представляет собой интеграцию этносов, обществ, государств, культур и цивилизаций. Глобализация в ее современном виде – это прямое следствие модерна [9. С. 16–23] и становления капиталистического общества. Два экономических принципа нового времени – массовость и разделение труда – оказали огромное влияние на культуру и социальную систему. Культура становится массовой, а социальная ткань прежнего общества разрушается – вместо сословий появляются классы. Одной из очень важных черт модерна является то, что экономика становится самостоятельной, одновременно подчиняя себе все общество [10]. А как следствие, общество модерна – это общество, постоянно втягивающее в свою орбиту традиционные общества, без этого оно существовать не может. Стремление к получению все большей прибыли вело к расширению рынков сбыта, усилению миграционных процессов и др. Это имело следствием то, что мир к середине XX в. уже стал мультикультурным, плюралистичным. Это в полной мере отразилось впоследствии в проблематике постмодерна.

В первой половине XX в. уже вполне «осязаемыми контурами глобального мира, его лицом стали организации, структуры и события» [11. С. 215], важнейшими среди которых А.Н. Чумаков считает следующие: *«становление мировой экономики, появление первых международных организаций, развязывание Первой мировой войны, образование Лиги Наций, беспрецедентная битва народов во Второй мировой войне, появление ядерного оружия, создание Организации Объединенных Наций, начало третьей мировой («холодной») войны»* [11. С. 215]. При этом А.Н. Чумаков отмечает, что первым опытом глобального сотрудничества в сфере правового регулирования международных отношений стал Нюрнбергский процесс [11. С. 243]. Подчеркнем, что это имело большое значение для формирования принципов и правил биоэтики. В результате рассмотрения на процессе «дела врачей» впервые в истории проведения медико-биологических экспериментов были сформулированы правила их проведения и принят международный документ «Нюрнбергский кодекс», который по праву можно назвать первым биоэтическим документом, хотя биоэтика как таковая еще не существовала.

В идеале процессы интеграции, глобализации предполагают равноправный диалог между культурами. В действительности, как подчеркивает

Н.А. Хренов, наблюдается перекося к монологу: навязывание западных ценностей традиционным культурам (вестернизация культуры) либо вообще навязывание ценностей одной культуры всему миру (американизация культуры) [9. С. 16], что ведет к конфликту ценностей и проблематизирует формирование культурной идентичности. Другими словами, становится проблематичным однозначное определение того, на какие культурные нормы и ценности, на какие образцы поведения и другие культурные характеристики следует опираться конкретному человеку в повседневной жизни, с какой культурой и каким образом не только может, но и должен себя идентифицировать человек.

3. Широкое распространение информационных технологий (телефона, радио, кинематографа, телетайпа, телевидения) привело к формированию усредненной массовой культуры. Она начинает бурно развиваться между двумя мировыми войнами сначала в Америке, а затем и за ее пределами, «прежде всего в области кино (невероятный успех У. Диснея), музыки (возрождение джаза), литературы (бестселлеры М. Митчелл, У. Фолкнера, Т. Вулфа и др.)» [11. С. 235].

Эти технологии стали базой для формирования средств массовой информации и коммуникации, что в свою очередь способствовало стиранию информационных границ между государствами, народами и их культурами. Меняются формы подачи материала, способы коммуникации и ее скорость. Герберт Шиллер выделяет два метода, которые используют средства массовой информации для воздействия на аудиторию, а в конечном итоге и для манипулирования сознанием людей, – дробление как форма коммуникации и немедленность передачи информации [12. С. 43–47]. Фрагментация (дробление) информационных сообщений, стремление подать их как поток разнородных сведений, лишают аудиторию – телезрителей, радиослушателей, читателей – возможности воспринять картину мира в целом, предоставляют широчайшие возможности для искажения картины мира в сознании аудитории. Немедленность передачи информации связана с методом фрагментации и даже более того, является обязательным элементом для его осуществления. Создается видимость соприсутствия телезрителя, радиослушателя или читателя, и в то же время оперативность (как и фрагментарность) предоставляет опасную возможность для искажения сообщений и оправдания этих искажений.

Как подчеркивает Э. Тоффлер, «централизованно разработанные образы, впрыснутые в массовое сознание средствами массовой информации, способствовали стандартизации нужного для индустриальной системы поведения» [13. С. 264–265]. С помощью СМИ проходит процесс «культурной гомонизации», в ходе которого сходные вкусы и формы «культурного потребления» получали распространение во всех слоях населения, причем не только в привилегированных, но и в малообеспеченных [14. С. 409].

Таким образом, в массовой культуре происходило разрушение традиционных норм и ценностей, которые гарантировали человеку стабильность существования. Взамен происходило целенаправленное навязывание стандартизированных, искусственно сконструированных ценностей, что делало проблематичным свободу самовыражения человека.

4. Появлению биоэтики, как отмечает Л.В. Коновалова, предшествовали социальные движения, такие как студенческие движения в Европе (получившие название молодежной революции), движение новых левых, хиппи и пр. [1. С. 38]. Ник Фоушин считает весьма значимыми для появления новой медицинской этики движение черных за гражданские права в США (зародившееся еще до 50-х годов XX в.), феминистское, экологическое и сильное антивоенное движение [15].

Социальные движения в обществе не обошли стороной медицину, которая к данному времени прошла свою социализацию. Антипсихиатрическое движение, направленное против власти медицины над человеком, против социально-принудительного характера медицины, явилось также одним из целого ряда событий, приведших к появлению биоэтики.

На примере полемики по поводу искусственного аборта можно проследить, что именно социальный контекст (в частности, большое влияние на него оказало феминистское движение) играл первоначально определяющую роль в аргументации сторонников легализации аборт. В целом проблема моральной допустимости аборт не новая, однако влияние новых технологий не сразу сказалось на дебатах об этических аспектах аборт.

В 60-е годы прошлого века в Великобритании, когда шло обсуждение законодательного разрешения аборт, основной упор делался на социальный контекст: говорилось о необходимости разрешения аборт бедным женщинам, если они не в состоянии воспитать ребенка. Акт 1967 г. о легализации аборт явился продуктом своего времени, он обсуждался в контексте социальных реформ и либерализации отношений в английском обществе в целом. В 70-е годы в центре аргументации оказались права женщины и, в частности, ее право на реализацию своей автономии. И только в 80-е годы в связи с развитием генетики, микробиологии и эмбриологии одним из центральных дискуссионных вопросов стала проблема статуса эмбриона [16].

Упомянутые социальные движения вызвали широкие общественные дискуссии по моральным проблемам безопасности человеческого существования, равенства, справедливости, свободы волеизъявления, ненасилия и ряда других.

5. Следующей предпосылкой появления биоэтики является кризис, сложившийся в этике в середине XX в. С одной стороны, он был связан с тем, что философская этика (как метаэтика) перестала восприниматься как учение, обращенное к человеческой практике, вследствие того, что разрабатываемые ею теоретические понятия морали были настолько абстрактными, что трудно было применить их к реальным ситуациям [17. С. 10–11]. С другой стороны, оказалось, что нет и целостности в этой этике, «что “этик” в современном мире слишком много» [18. С. 103]. П.Д. Тищенко называет это вторым открытием, приведшим к появлению биоэтики [18. С. 103] (первым, с его точки зрения, является то, что в связи с развитием научно-технического прогресса пришло осознание ограниченности характера научного разума). Притом речь идет не о множественности мнений, а о множественности философских оснований. Данный процесс Т.Х. Энгельгардом был назван революцией в этике 1960-х, которая в свою очередь, и «породила биоэтику 70-х» [19. Р. 13].

Этот кризис привел к появлению прикладной этики, которая представляет собой качественно новый этап этики, «предметом которой являются практические моральные проблемы, имеющие пограничный и открытый характер» [20]. Именно такие проблемы изначально и была призвана решать биоэтика, которая наряду с экологической этикой сегодня является наиболее разработанной частью прикладной этики.

6. Новые биомедицинские технологии поставили сложнейшие моральные проблемы, проблематизировав границы человеческой жизни: в 60-х годах XX в. в медицинской практике уже использовались искусственная почка и реаниматология, а в 1967 г. и трансплантология перестала быть только экспериментальной областью. Следует подчеркнуть принципиально важный факт, что биотехнологии вызывают необходимость их этической оценки еще на стадии научной разработки, до внедрения в медицинскую практику. Это подтверждает история медицинской генетики, ЭКО («оплодотворение в пробирке»), суррогатного материнства и др. Например, уже на стадии экспериментальной разработки метода ЭКО обсуждались сложные философские, моральные вопросы, связанные с применением этой технологии размножения человека. В 1971 г. Британский комитет по медицинским исследованиям отказался финансировать программу Р. Эдвардса и П. Стептоу, создавших этот метод. Их исследования были определены как противоречащие этическим нормам. Мораторий на разработку метода ЭКО был отменен в 1975 г. и только после этого 10-летние исследования Р. Эдвардса и П. Стептоу завершились внедрением данного метода в практику, в результате в июле 1978 г. родился первый в мире «ребенок из пробирки» – Луиза Браун.

Следует также подчеркнуть, что последствия достижений в медицине и новых биомедицинских технологий не всегда и не везде осознаются как моральные проблемы, например, в странах третьего мира нет моральной чувствительности к рискам, связанным с биотехнологическими манипуляциями с фрагментами человеческого тела [21. С. 74]. Это связано с тем, что моральная проблема осознается через интерпретацию событий в той перспективе, которую формируют история и традиции. Эта проблема не просто дана, не просто существует объективно и абстрактно. «Моральная слепота» иногда бывает сознательной, например, когда некоторые люди просто не признают, что есть моральная проблема в сообщении лжи, если это помогает избежать им неприятности в жизни. Но принципиальным является то, что многие этические проблемы, которые существуют сегодня, не являлись моральными проблемами для людей, живших двести лет назад, например, целый комплекс проблем вокруг добровольного информированного согласия. То, что какие-то проблемы стали восприниматься в качестве моральных, подтверждает тот факт, что произошли кардинальные изменения в культуре, а сами культуры и отличаются по тому, *что* они интерпретируют как моральные проблемы, а также по тому, как они определяют правильные способы решения этих проблем. Все это обуславливается историей, традицией, обучением, существующими предубеждениями, жизненным опытом и т.п. Именно в решении проблем биоэтики четко прослеживается социокультурная обусловленность понимания и решения ее проблем.

Исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что для XX в. характерно нарастание кризиса, получившего название «антропологического». Сущность этого кризиса заключается в разрушении экзистенциальных оснований человека, что находит свое выражение в разрушении целостности человека, его базовых ценностей. Происходит разрушение не только целостности его внутреннего, духовного мира, но осознается угроза и его физической целостности.

Итак, анализ показал, что выделенные выше предпосылки **в совокупности** проблематизировали неопределенность сущности человека и неустойчивость его природы, что проявилось в появлении биоэтики, предназначение которой с самого начала усматривалось в защите прав и достоинства человека.

Таким образом, к концу 60-х годов XX в. вопросы «что такое человек?», «в чем сущность человека?» перестали быть предметом интереса исключительно философии. Адекватные ответы потребовались общественной практике и конкретным людям в связи с тем, что появилась необходимость защиты индивидуального человека и его целостности. В то же время в современном обществе сложилась парадоксальная ситуация: медицина, изначально возникшая с целью лечения и спасения человека, в процессе своей социализации стала все чаще выполнять репрессивные функции.

Еще в 60-х годах прошлого века (когда не было еще и термина «биоэтика») австрийский врач Гуго Глязер, отмечая изменившийся характер взаимоотношений врача и пациента, писал: «Трудности в отношениях между врачом и больным в наше время зависят... от того обстоятельства, что *в оценке человека вообще произошел перелом* и отношение врача к его профессии значительно изменилось» [22. С. 74].

М. Фуко в книге «Рождение клиники» показывает, как медицинская мысль, обретая форму клинического опыта, в начале XIX в. «по полному праву заняла статус философии человека» [23. С. 295]. Переход медицины в новое состояние изменил не только врачебные практики, но и место и функции медицины в обществе. Взгляд врача наделяется властью отличать патологию от нормы, здоровье от отклонения. Отныне медицина не сводится к совокупности врачебных практик, она несет знание о здоровом человеке, и ее задача – распространять это знание в обществе. У врачевания появляется новая ипостась: здравоохранение. В конце XVIII в. во Франции революционный миф об идеальном обществе содержал в себе идею всеобщего здоровья, находящегося под тотальным и неусыпным контролем медицины. И она, по сути, сделалась важной составной частью идеологии, вытеснив и отчасти подменив прежнюю основу общественной морали, религию: врачи приобрели статус «духовников тела». Однако утопия просвещенного – в буквальном смысле – здорового общества имеет и обратную сторону: ее реализация невозможна без наделения медицины принудительной и даже карающей функцией. Здравоохранение и есть государственная система надзора и наказания, действующая в двух направлениях. Во-первых, она обеспечивает контроль над самими врачами, ограждая народ от шарлатанов и знахарей. Создаются особые структуры, призванные гарантировать квалификацию врача, причем основным критерием здесь выступает именно обретение врачом клиниче-

ского опыта. Во-вторых, здравоохранение следит за надлежащим исполнением мер, направленных на поддержание здоровья нации, а также за формированием у людей «медицински бдительного» сознания [23. С. 63]: во времена Революции предлагалось сразу несколько проектов создания медицинской полиции.

Эти черты медицины-здравоохранения остаются определяющими на протяжении всего XX в. и во многом сохраняются до сих пор. Именно здесь берут начало такие известные меры, как, например, медицинские карты или профилактические прививки, сопровождающие человека от рождения до смерти и направленные на его социализацию: непривитый или «недопривитый» ребенок в глазах различных (не только медицинских) инстанций воспринимается как потенциальная угроза. В самой природе «клинического взгляда», отделяющего норму от патологии, заложена возможность социального насилия над человеком – как больным, так и здоровым. Таким образом, происходит социализация медицины и медикализация общества.

Итак, получив еще в XVIII в., по словам М. Фуко, «моральную и квазисудебную роль» [23. С. 76], превратившись в такой социальный институт, как здравоохранение, в XX в. она приобрела еще больше возможностей социального насилия над человеком – как больным, так и здоровым. Биотехнологии еще более усилили эту возможность, так как, с одной стороны, создали беспрецедентные возможности вмешательства в природу человека, давая невиданные ранее возможности в лечении даже считавшихся ранее безнадежных больных и продлении их жизни, а с другой – сделали человека все более зависимым от воли, решений и предпочтений тех людей, которые могут непосредственно и не являться теми специалистами, которые осуществляют лечение, диагностику или уход (например, чем сложнее медицинская технология, тем она дороже, а следовательно, вопрос о предоставлении медицинской услуги уходит из исключительной компетенции врача).

С нашей точки зрения, биоэтика возникает как одна из форм обращения человека к самому себе, в первую очередь, как форма защиты его индивидуальности в современной культуре. Биоэтика возникла как насущная потребность решения проблем, вставших в связи с тем, что человек стал по-иному относиться к самому себе. Влияние технологий – это только одна из сторон проявления тех глубинных изменений, которые произошли с человеком еще в эпоху модерна и привели в итоге к постмодерну. Обращает на себя внимание одно совпадение: появление биоэтики и оформление постмодерна как идейного течения происходит примерно в одно и то же время (одно десятилетие). Постмодернистская философия возникает *«как антитеза культуре, базирующейся на ценностях и идеалах Просвещения»* [24. С. 8].

Человек в эпоху модерна понимался, прежде всего, как рациональное существо, *cogito* Р. Декарта – ключевой знак этого акцента. Характерно притязание на самодостаточность самости, в большинстве случаев делался акцент на целостной индивидуальности. Культура модерна – это индивидуалистическая культура, которая высоко ценит автономию, отдает важное место самоанализу, она породила идею совершенствования, идею создания новых, достойных человека условий существования.

Сдвиг от модерна к постмодерну означает смену представлений о субъекте. В философии и культуре XX в. в метафоре «смерть субъекта» речь идет именно о субъекте классического мышления, о «картезианском субъекте». На смену ему пришли иные представления об индивидуальности и идентичности, которые перестали опираться на предпосылку изначального существования некоей «сущности» человеческой природы. «На передний план выходит *социально сконструированная природа индивидуальности*» (выделено нами. – Т.М.) [25].

Концепция социального постмодернизма З. Баумана объясняет эти изменения в понимании человека, или субъекта тем, что меняется характер социальных отношений в обществе. Он особо отмечает, что модернити, можно сказать, специализировалась на превращении «вещей в себе» в «вещи для нас». Человеческая природа, некогда считавшаяся прочным и неизменным результатом божественного творения, уже не считается таковой. «Ничто уже не рассматривалось и не могло рассматриваться как данность» [26. С. 179]. «Предначертанность» сменилась в эпоху Возрождения «незавершенностью» человеческой природы. Основой человеческой сущности стала способность к совершенствованию (Ж.-Ж. Руссо), *люди свободны творить самих себя*.

Бауман подчеркивает, что истина о том, что наша индивидуальность является продуктом общества, стала банальной, но надо помнить и об обратной стороне этой истины: форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, в свою очередь зависят от того, как ставится и решается задача «индивидуализации» [26. С. 181]. Основопологающей чертой модернити является перемена, произошедшая с «индивидуализацией» – смысл ее состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли. Человеческая идентичность преобразовалась из «данности» в «задачу», и соответственно действующие лица стали ответственными за решение этой задачи. Другими словами, «индивидуализация» заключается в установлении автономии индивида *de jure* (хотя и не обязательно *de facto*). Место человека в обществе, определение его социального положения перестало быть понятием «в себе» и стало понятием «для нас». «Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением» [26. С. 182]. И это, отмечает Бауман, справедливо для всей эпохи модернити и для всех слоев общества.

Общество модернити характеризовалось совершенно новой структурой социальной системы. «Сословия», принадлежность к которым была заранее предписана, сменились «классами». Классовая принадлежность не наследовалась, не определялась от рождения, ее приходилось постоянно подтверждать и доказывать, но и она постепенно становилась столь же прочной, неизбежной и не поддающейся индивидуальной манипуляции, как и прежняя принадлежность к сословию.

Современную ситуацию Бауман назвал «растекающейся» модернити: «индивидуализация» сегодня приняла формы, когда не только положение индивидов в обществе, но и сами места, которые они могут и стремятся занять, быстро трансформируются и не могут служить в качестве цели чьей-то жизни. В обществе постмодерна социальные классы уже не имеют столь

важного значения, как раньше. Социальная структура является более фрагментированной и сложной при целом ряде характеристик, включающих не только класс, но и пол, этничность, возраст.

Для XX в. характерно перепроизводство средств, они обгоняют любые известные потребности, что в свою очередь приводит к поиску целей, которым они могли бы послужить. Готовые решения стали предлагаться для еще даже не артикулированных проблем, а сами цели становились все более расплывчатыми, разрозненными и неопределенными.

Проблема идентичности кардинально изменила свой облик и содержание: она состоит не столько в том, **как обрести** избранную идентичность, сколько в том, какую идентичность **выбрать**, как ее сохранить и как суметь сделать вовремя другой выбор, если ранее выбранная идентичность утрачена или потеряла свою ценность и привлекательность. Как отмечает З. Бауман, происходит фрагментация индивидуальной идентичности, изменение ее в течение жизни и от одного социального окружения к другому. Усилению этой фрагментации способствует и появление «клип-культуры» (Э. Тоффлер) в современном обществе. Ее появлению во многом способствовали указанные выше методы фрагментации и немедленности передачи информации. Современный человек, живущий в «клип-культуре», не получает готовую ментальную модель реальности. Он постоянно ее формирует и переформирует из того огромного объема разорванного материала, который ему предоставляют средства массовой информации. Э. Тоффлер отмечает, что такое положение вещей хотя и ведет к большей индивидуализации, но демассификация как личности, так и культуры ложится на человека тяжелым грузом [13. С. 278–279]. Человек на первый взгляд вроде бы становится свободным, но на деле более уязвимым. Он не просто свободен на выбор, он **обречен** на него.

Неопределенность, зыбкость всех возможных точек отсчета, всеобщая неуверенность в будущем лишают человека возможности обрести четкую идентичность и тем самым достичь целостности своей индивидуальности. Вместо индивидуальности появляется дивидуум – человек делимый [27. С. 24], человека можно сконструировать, собрав его из наличного материала, заменив без труда некоторые части его тела. Неизбежно возникает вопрос о границах манипуляции человеком. Таким образом, современные проблемы, которые призвана решать биоэтика, говорят о размывании образа человека, о его деструкции. Надо отметить, что появилась возможность не просто улучшения своего тела, но и кардинального изменения человеком самого себя по своему собственному проекту – это возможность конструирования и реконструирования человека с помощью новых биотехнологий [28]. Например, в случае вмешательства в геном человека или при изменении пола.

Итак, анализ тенденций развития культуры и общества в конце XX в. позволил установить, что к началу XXI в. представления об индивидуальности кардинальным образом изменились. Во-первых, новые биотехнологии дали возможность не только улучшить, подправить человеческую природу, но и создавать то, что не заложено природой изначально. Во-вторых, подвижность социальной структуры современного общества имеет следствием фрагментацию индивидуальной идентичности, изменение ее в течение жизни и от одного социального окружения к другому. В таких условиях человек теряет самостоятельность,

фрагментаризируется. В-третьих, в условиях «клип-культуры» происходит индивидуализация и демассификация не только культуры, но и личности. Все это, с нашей точки зрения, говорит о том, что проблематизируются не только границы индивидуальности, но и ее устойчивость.

В свою очередь перед биоэтикой как формой защиты индивидуальности появляются принципиальные новые моральные проблемы. В первую очередь, встают вопросы о том, что считать нормой, а что считать патологией? Где граница между лечением и улучшением (например, внешности человека)? Что такое здоровье вообще? Что меняется в индивидуальности со сменой идентичности? На эти вопросы биоэтика как прикладная этика пока не может дать однозначные ответы, это требует специальной философской рефлексии.

З. Бауман отмечал, что лихорадочный поиск идентичности, характерный для эпохи постмодерна, «порожден сочетанием импульсов к глобализации и к индивидуализации» [26. С. 192]. В биоэтике, похоже, обнаруживаются те же импульсы – развиваются национальные биоэтики и одновременно стоит задача создания единой глобальной биоэтики, несмотря на их отличия, цель, задача у них одна – защита прав и достоинства человека, которая в основе своей приобретает форму защиты индивидуальности.

Подчеркнем, что проблема создания глобальной биоэтики выросла из необходимости преодоления негативных последствий «глобализации», в частности преодоления **биоэтического империализма** [19. Р. 12], или, говоря другими словами, преодоления культурного экспорта западной биоэтики. Перед глобальной биоэтикой стоит задача достижения согласия и единства в решении проблем биоэтики, но в условиях плюрализма этик (и часто даже диаметральной противоположности их оснований) эта задача, к сожалению, оказалась пока еще невыполнимой.

Резюмируя, следует отметить, что признание незавершенности человеческой природы сменилось в конце XX в. осознанием ее тотальной неустойчивости (З. Бауман) в кардинально изменившихся социокультурных условиях. При этом прогресс биотехнологий дал беспрецедентные возможности, которые могут позволить людям перепроектировать человеческую природу и направлять человеческое развитие, что в свою очередь может привести к драматически непредсказуемым результатам и необратимым изменениям. Это может поставить человека на грань уничтожения как вида. Важно, что сегодня уже осознана необходимость защиты человека. Но необходимость его защиты как целостности еще не всегда осознается. Биоэтика возникает как форма защиты индивидуальности, хотя в самом биоэтическом дискурсе это изначально не осознавалось. Однако результаты проведенного нами исследования доказывают, что именно осознание необходимости защиты индивидуальности как целостности может стать той основой, которая позволит преодолеть множество противоречивых стратегий биоэтики и разработать конкретные рекомендации для медицинской практики и гуманитарной экспертизы новых биотехнологий.

Литература

1. Поттер Ван Р. Биоэтика: мост в будущее / Под ред. С.В. Вековшиной, В.Л. Кулиниченко. Киев, 2002. 216 с. Режим доступа: <http://biospace.nw.ru>

2. Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1. Биоэтика и экоэтика. М., 1998.
3. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001.
4. Бриссе-Виньо Ф. От биоэтики к этике медицинской // Требования биоэтики: Медицина между надеждой и опасениями: Сб. ст. / Под рук. Ф. Бриссе-Виньо, при уч. Б. Ажшенбом-Бофти; пер. с фр. Киев, 1999. С. 13.
5. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: Пер. с нем. М., 2002.
6. Тищенко П.Д. Биоэтика как теоретическое основание образования членов этических комитетов // Национальные и локальные комитеты по биоэтике: опыт Центральной и Восточной Европы. Материалы международных научных конференций по биоэтике / Под ред. Т.В. Мишаткиной, Я.С. Яскевич, Г.В. Годовальникова, Д.С. Денисова. Минск, 2006.
7. Беляев В.А. Антропология техногенной цивилизации на перекрестке позиций. М., 2007.
8. Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. М., 2005. С. 3.
9. Хренов Н.А. Глобализация в истории становления идеологии модерна // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. М., 2005.
10. Веселов Ю.В. Экономическая социология постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 1. Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a7.html>
11. Чумаков А.Н. Глобализация: контуры целостного мира. М., 2005.
12. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
14. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000.
15. Фоушин Н. Зачем нужна медицинская этика? Режим доступа: <http://ethicscenter.ru/biblio/fotion2.htm>
16. Wyatt J. Medical paternalism and the fetus // Journal of Medical Ethics. 2001. Vol. 27. P. ii15. Режим доступа: http://jme.bmj.com/cgi/content/full/27/suppl_2/ii15
17. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М.: ИФРАН, 1995.
18. Тищенко П.Д. Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФРАН, 2008.
19. Engelhardt T.H. Jr. Global Bioethics: An Introduction to The Collapse of Consensus // Global Bioethics: The Collapse of Consensus / Edited by H. Tristram Engelhardt, Houston: Jr. Rice University, 2006.
20. Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике. Режим доступа: <http://www.ethicscenter.ru/ed/kaunas/gus.html>
21. Тищенко П.Д. Этические проблемы развития биотехнологий // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФРАН, 2008.
22. Глязер Г. О мышлении в медицине. М.: Медицина, 1969.
23. Фуко М. Рождение клиники. М., 1998.
24. Огурцов А.П. Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. № 3.
25. Миненков Г. Концепт идентичности: перспективы определения. Ч. 1. Режим доступа: <http://www.belintellectuals.eu/publications/174/>
26. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
27. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3.
28. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5, № 5.